

и не чувствуютъ того, что всё они суть дѣти одного Отца Небеснаго, всё составляютъ какъ-бы одно семейство; не живетъ между нами такой братскій союзъ, какой жилъ въ обществѣ первыхъ христіанъ, у которыхъ, по сказанію книги Дѣяній Апостольскихъ, „было одно сердце и одна душа“, т. е. они жили, какъ мы выражаемся, „душа въ душу“, у которыхъ „все было общее“, которые называли другъ друга „братьями“.

Будемъ искать высшаго довольства и высшей радости не въ обладаніи мертвымъ металломъ, имуществомъ, деньгами, а въ искреннемъ сообществѣ съ ближними, въ соединеніи нашихъ душъ и сердецъ съ ихъ думами и сердцами, въ дружбѣ и любви. Тогда будемъ расположены къ благожелательству и взаимной помощи; тогда между нами поселится тотъ христіанскій духъ, который покажетъ, что всё мы — дѣти одного Отца Небеснаго и что не тщетна наша надежда получить за гробомъ одно общее небесное царство. („Воскресный День“ 1894 г. № 27).

Преподаватель Астраханской духовной семинаріи Яковъ Иларіоновичъ Туберозовъ.

(НЕКРОЛОГЪ)

Астраханская духовная семинарія въ августѣ мѣсяцѣ настоящаго 1894 года понесла новую тяжелую утрату. Еще не прошло и полугодя со дня кончины одного изъ семинарскихъ преподавателей — свящ. М. П. Малицкаго *), какъ семинаріи пришлось оплакивать другаго усопшаго преподавателя. 8-го августа сего года, въ понедельник, въ 9 час. вечера, въ г. Ростовѣ на Дону послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни (порака сердца), скончался на 39-мъ году отъ рожденія и 14-мъ году службы преподаватель Астраханской духовной семинаріи статскій совѣтникъ Яковъ Иларіоновичъ Туберозовъ.

Почившій родился 1855 г. 2 октября въ г. Краснонъ-Яру, Астраханской губерніи, отъ священника Красноярскаго Владимірскаго собора И. М. Туберозова (нынѣ протоіерей Астраханской градской Казанской церкви и членъ Духовной Консисторіи). Поступивъ для полученія образованія сначала въ Астраханское духовное училище и перейдя затѣмъ въ Астраханскую духовную семинарію, покойный въ 1876 году окончилъ полный курсъ семинарскихъ наукъ первымъ студентомъ и въ томъ-же году отправленъ былъ на казенный счетъ для продолженія образованія въ С.-Петербургскую Духовную Академію, гдѣ и былъ принятъ въ составъ XXXVII курса. Въ теченіе четырехъ лѣтъ своего пребыванія въ Академіи Яковъ Иларіоновичъ выслушалъ какъ полный курсъ наукъ общеобразователь-

* Некрологъ его помѣщенъ въ № 6 „Астрах. Вѣдом.“ 1894 года.

ныхъ и спеціальныхъ по церковно-историческому отдѣленію, такъ и особня практическо-спеціальныя лекціи по предметамъ: всеобщей и русской гражданской исторіи и исторіи русской Церкви. Кандидатское сочиненіе, писанное имъ на III-мъ курсѣ по исторіи русскаго раскола, обратило на себя своими достоинствами особенное вниманіе церковно-историческаго отдѣленія, по представленію котораго Совѣтъ Академіи удостоилъ это сочиненіе почетнаго отзыва въ своемъ отчетѣ о состояніи Академіи за 1879 годъ. По окончаніи въ 1880 году курса наукъ со степенью кандидата богословія, Я. И. Туберововъ приказомъ Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода 18-го августа того-же 1880 года былъ назначенъ преподавателемъ въ Оренбургское духовное училище по латинскому языку. Въ 1881 г. съ 3 января по 25 сентября онъ состоялъ сверхштатнымъ преподавателемъ въ Оренбургской классической гимназіи по гражданской исторіи и общей и русской географіи. Согласно журнальныхъ опредѣленій Правленія Оренбургскаго духовнаго училища занималъ уроки 2-го учителя латинскаго языка съ 10 января по 30 мая 1881 г. и преподавалъ Законъ Божій во II классѣ училища съ 23 октября того-же 1881 г. По журналу педагогическаго собранія Правленія Астраханской духовной семинаріи, утвержденному Епархіальнымъ Преосвященнымъ, перемѣщенъ, согласно прошенія, въ Астраханскую духовную семинарію на должность преподавателя латинскаго языка, въ каковой состоялъ съ 1882 г. 18 сентября по 1883 г. 20 декабря. Временно преподавалъ исторію русской Церкви съ 16 октября 1883 г., а 20 декабря того-же года, по журналу педагогическаго собранія Правленія семинаріи, былъ перемѣщенъ, согласно прошенія, на должность преподавателя общей и русской церковной исторіи и библейской исторіи, въ каковой должности состоялъ по день смерти. По журнальному опредѣленію Правленія Астраханскаго духовнаго училища временно занималъ уроки латинскаго языка въ училищѣ въ 1884 г. съ 3 августа по 3 ноября. Въ томъ-же 1884 г. 14 сентября, съ разрѣшенія Епархіальнаго Преосвященнаго, занялъ должность преподавателя гражданской исторіи въ Астраханской Маріинской женской гимназіи, каковую должность занималъ по день смерти. Съ 1885 г. 17 августа по 1887 г. 17 августа состоялъ въ семинаріи преподавателемъ исторіи и обличенія русскаго раскола. Въ 1891 г. состоялъ членомъ временно-ревизионнаго комитета по повѣркѣ экономическихъ отчетовъ по духовно-учебному вѣдомству за 1890 г. За отлично-усердную службу по духовно-учебному вѣдомству Я. И. Туберововъ 1889 г. 16 іюня Всемилостивѣйше награжденъ былъ орденомъ св. Станислава 3-й ст. а за такую-же службу при Астраханской Маріинской женской гимназіи, кромѣ двукратныхъ денежныхъ наградъ, Всемилостивѣйше пожалованъ въ 1893 г. орденомъ св. Анны 3-й ст.

Изъ неслужебной дѣятельности покойнаго необходимо упомянуть о томъ, что онъ состоялъ членомъ Комиссіи для научнаго разбора и описанія архивныхъ дѣлъ Астраханской Духовной Консисторіи и дѣйствительнымъ чле-

номъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края: въ Обществѣ этомъ онъ дважды (въ 1889 и 1890 гг.) былъ членомъ ревизіонной коммисіи. Кроме того Я. И. Туберововъ (по отзыву одного лица) „былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членомъ Коммисіи народныхъ чтеній, въ которой онъ работалъ съ первыхъ годовъ ея существованія. Нѣсколько лѣтъ подрядъ онъ былъ избираемъ постоянно членомъ распорядительной коммисіи: тутъ онъ былъ и завѣдующимъ фонаремъ и картинами, и состоялъ въ библиотечномъ комитетѣ, и былъ лекторомъ. Только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, когда уже онъ былъ сильно боленъ, онъ отказался отъ этой дѣятельности“ („Астр. Спр. Лист.“ 1894 г. № 172). — Изъ ученыхъ работъ Якова Иларіоновича извѣстны слѣдующіе его труды, которыхъ онъ, къ сожалѣнію, по скромности своей не отдавалъ въ печать: 1) вышеупомянутое его кандидатское сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Исторія раскола въ Стародубь“, заслужившее лестную рецензію со стороны такого ученаго знатка исторіи раскола, какимъ былъ покойный профессоръ И. Θ. Нильскій *); 2) рѣчь „о значеніи свв. братьевъ Солунскихъ въ общей исторіи и литературѣ“, произнесенная Я. И. въ публичномъ собраніи въ залѣ духовной семинаріи 1885 г. 6 апрѣля, въ день празднованія 1000-лѣтія блаженной кончины просвѣтителя славянъ св. Меодія, и 3) „краткій историческій очеркъ ***) существованія въ Астрахани института благородныхъ дѣвицъ и замѣнившей его Маріинской женской гимназіи“, прочитанный авторомъ на гимназическомъ актѣ 14 ноября 1890 года.

Обладалъ прекрасными качествами ума и сердца, покойный Яковъ Иларіоновичъ и какъ добрый сослуживецъ-товарищъ, и какъ добросовѣстный преподаватель, и какъ симпатичный, общительный знакомый, пользовался любовью и уваженіемъ какъ въ средѣ сослуживцевъ и учившихся у него, такъ и вообще среди знакомыхъ, которыхъ у него было не мало. Неудивительно поэтому, что вѣсть о его тяжкой, предсмертной болѣзни, а потому

*) Вотъ что въ заключеніи своего отзыва профессоръ И. Θ. Нильскій писалъ о трудѣ Я. И. Туберовова: «Несмотря однако на указанные недостатки, сочиненіе г. Туберовова вполне заслуживаетъ ученой степеніи кандидата богословія. Авторъ не только усердно изучилъ литературу своего предмета, но и старался дополнить содержащіяся въ печатныхъ источникахъ и пособіяхъ свѣдѣнія новыми данными, замѣчательными изъ рукописей академической и публичной бібліотекъ, причѣмъ порядкомъ исправляетъ чужія мнѣнія; съ другой стороны г. Туберововъ не ограничивается простымъ изложеніемъ того или другого факта изъ жизни стародубскихъ раскольниковъ, но старается выкинуть въ его смыслъ, объяснить его причины, — чорта изслѣдоваи, дѣлающая честь молодому ученому. Особенно богато содержимымъ и читателю съ большимъ интересомъ второй отдѣлъ второй части сочиненія, въ которомъ авторъ описываетъ нравственно-религіозную жизнь стародубскихъ раскольниковъ со времени паденія Вѣтки; здѣсь авторъ не только даетъ новое освѣщеніе нѣкоторымъ даннымъ и прежде извѣстнымъ въ печати (напр. г. Туберововъ доказываетъ, что Писемскій былъ не родоначальникомъ единствѣна какъ обыкновенно его называли, а только продолжателемъ болѣе раннихъ попытокъ раскольниковъ — войти въ союзъ съ Церковью на извѣстныхъ условіяхъ), но и сообщаетъ не мало новыхъ свѣдѣній (таковы напр. свѣдѣнія о типографской дѣятельности посѣда Клинцовъ). Языкъ сочиненія правильный, рѣчь живая и бойкая“ („Протоколъ Сов. Сиб. Д. Акад.“ за 1878—79 уч. годъ, стран. 211—212).

**) Нѣкоторыя явленія изъ него были отдѣльны газетными репортерами и помѣщены въ „Астр. Спр. Листкѣ“ 1890 г. № 248 и въ „Астр. Вѣстн.“ № 419.

о его кончинѣ, вызвала выраженія всеобщаго глубокаго сожалѣнія. Еще въ юношескихъ лѣтахъ Яковъ Иларіоновичъ, вслѣдствіе сильной простуды (какъ оказалось впоследствии), началъ страдать порокомъ сердца. Съ теченіемъ времени болѣзнь эта все болѣе и болѣе развивалась и усиливалась. Въ мѣсяцъ настоящаго года, во время экзаменовъ, Я. И. почувствовалъ себя особенно дурно и принужденъ былъ лечь въ постель. Немного оправившись, онъ, по совѣту лѣчившихъ его докторовъ, предпринялъ, въ сопровожденіи матери и сестеръ, поѣздку по Волгѣ до Казани съ тѣмъ, чтобы на обратномъ пути изъ Царицына проѣхать въ Крымъ. Въ Казани онъ видѣлся съ нѣкоторыми докторами, которые посоветовали ему предварительно поѣздки въ Крымъ позитъ нѣкоторое время въ Ставрополь Самарскомъ. Жизнь въ этомъ городѣ и затѣмъ поѣздка по Волгѣ до Царицына настолько укрѣпили его, что онъ, по словамъ лица, видѣвшаго его въ Царицынѣ, казался человѣкомъ совершенно здоровымъ. Изъ Царицына Я. И. въ концѣ іюля въ сопровожденіи сестеръ (мать, благословивъ его, поѣхала съ какимъ-то тяжелымъ предчувствіемъ изъ Царицына въ Астрахань) отправился по желѣзной дорогѣ на Калачь, а отсюда на пароходѣ по Дону, направляясь въ Крымъ, въ Ялту. Недалеко отъ г. Ростова онъ снова опасно заболѣлъ, такъ что принужденъ былъ остановиться въ этомъ городѣ, и здѣсь, въ номерѣ городской больницы, несмотря на все усилія врачей, Яковъ Иларіоновичъ, наутуствованный тайнствами исповѣди и Св. Причастія, тихо скончался на рукахъ сестеръ въ 9 часовъ вечера 8-го августа. Родители его, извѣщенные 6-го августа телеграммою о безнадежномъ положеніи сына и выѣхавшіе изъ Астрахани на другой-же день, уже не застали его въ живыхъ и только имѣли печальное утѣшеніе получить разрѣшеніе перевезти тѣло нѣжно любимаго сына изъ Ростова-на-Дону въ Астрахань для погребенія.

11-го августа, на третій день послѣ кончины Я. И., въ Астраханской градской Казанской церкви о. ректоромъ духовной семинаріи протоіереемъ К. В. Ястребовымъ была совершена заупокойная литургія въ сослуженіи бывшихъ учениковъ почившаго: священника Казанской церкви Вл. Я. Меседякаго и священника Гостинно-Николаевской церкви Вас. Я. Лебедякаго. Послѣ литургіи отслужена была панихида, на которую вышли, кромѣ совершавшихъ литургію, протоіерей мѣстной Казанской церкви П. Г. Ильинскій, епархіальный наблюдатель священникъ О. А. Архангельскій и духовникъ семинаріи священникъ М. Д. Благодоровъ. Какъ на литургіи, такъ и на панихидѣ, пѣлъ хоръ семинарскихъ пѣвчихъ и присутствовали наставники и ученики семинаріи, нѣкоторые изъ служащихъ въ Маріинской женской гимназіи и не мало постороннихъ лицъ. Панихида предварила была нѣсколькими словами, сказанными о. ректоромъ, приблизительно слѣдующаго содержанія: „Астраханская семинарія (сказалъ о. ректоръ) оплакиваетъ вторую тяжелую утрату въ нынѣшнемъ году. Слишкомъ еще свѣжа память о покойномъ М. П. Малицкомъ, — и вотъ смерть вырываетъ изъ среды преподавателей Астраханской

семинаріи новую жертву. Телеграмма изъ Ростова-на-Дону принесла печальную вѣсть, что Я. И. Туберововъ скончался 8 сего августа въ 9 часовъ вечера. Извѣстіе въ высшей степени скорбное для семинаріи, а еще болѣе, безъ сомнѣнія, для отца, матери, братьевъ и сестеръ почившаго. Семинарія, въ лицѣ своихъ питомцевъ, потеряла въ Як. Ил. добраго и благоразумно снисходительнаго наставника, а потерю со стороны отца и матери почившаго трудно изобразить. — Считаю не лишнимъ предложить краткія некрологическія свѣдѣнія объ Я. И. на молитвенную память о немъ“. Сообщивъ далѣе эти свѣдѣнія, о. ректоръ заключилъ ихъ слѣдующими словами: „Смерть—общій удѣлъ всѣхъ живущихъ на земли. Она не разбираетъ ни возрастовъ, ни пола, ни положенія и никакихъ заслугъ человѣка, ибо непреложно Божіе слово для всѣхъ людей: „Земля еси и въ землю отыдеши“. Но непреложны и другія слова божественнаго писанія: „Блажени мертвіи умирающіи о Господѣ“, т. е. вѣрующіе въ Иисуса Христа: „ой, упокоятся отъ трудовъ своихъ“. — Помолимся, братія и сестры о Христѣ, да упокоитъ Господь Богъ душу усопшаго раба Божія Іакова, вѣрующаго въ Иисуса Христа, Сына Божія, упокоитъ вмѣстѣ со святыми въ царствіи небесномъ!“

Прахъ Я. И. Туберовова, заключенный въ двухъ гробахъ: деревянномъ и цинковомъ, привезенъ былъ въ Астрахань въ полдень 17 августа, въ среду, а отпѣваніе происходило на другой день въ градской Казанской церкви, въ приходѣ которой, въ квартирѣ своего отца, проживалъ покойный. 18-го августа, къ 8^{1/2} час. утра, несмотря на шедшій почти все утро дождь, на пристань „пароходнаго общества по Волгѣ“, гдѣ стоялъ закрытый изящный гробъ съ останками усопшаго, убранный зеленью, цвѣтами и вѣнками, собрались ученики духовной семинаріи съ инспекторомъ семинаріи Я. В. Лебединскимъ и помощникомъ инспектора преподавателемъ семинаріи Г. С. Смирновымъ, наставники семинаріи, нѣкоторыя воспитанницы старшихъ классовъ Маріинской женской гимназіи съ классными дамами и и. д. начальника гимназіи Н. В. Давровымъ, знакомые почившаго и мѣстное духовенство съ протоіереемъ градской Гостинно-Николаевской церкви Г. Г. Покровскимъ (бывшимъ наставникомъ покойнаго по семинаріи) во главѣ. Въ назначенное время, послѣ литіи, гробъ почитателями усопшаго былъ перенесенъ на рукахъ, подъ печальный трезвонъ колоколовъ, въ мѣстный Казанскій храмъ, гдѣ тотчасъ-же о. ректоромъ семинаріи протоіереемъ К. В. Ястребовымъ въ сослуженіи священниковъ Вл. Я. и Вас. Я. Лебединскихъ начата была заупокойная литургія, при умилительномъ пѣніи хоромъ семинаристовъ на прѣпомъ и лѣвомъ клиросахъ. По окончаніи божественной литургіи, предъ началомъ отпѣванія, бывшій ученикъ покойнаго, пѣвшій студентъ Казанской Духовной Академіи А. К. Ястребовъ почтилъ память своего бывшаго наставника слѣдующимъ прочувствованнымъ словомъ:

„О суета суетъ, всяческая суета!“ Такъ нѣкогда грустно восклик-

нулъ одинъ изъ древнихъ богодухновенныхъ мудрецовъ — Соломонъ, убѣжденный личнымъ опытомъ въ непостоянствѣ, измѣчивости и скоротечности всего земного. Слишкомъ три тысячи лѣтъ тому назадъ были сказаны эти слова. Но и доселѣ они еще остаются вѣчно юными, вѣчно новыми и вѣчно правдивыми. Эта истина глубокой старины до сихъ поръ еще заставляеть каждого изъ насъ опытно убѣждаться въ ея ужасной и нежелательной справедливости. Дѣйствительно, земная человѣческая жизнь и скоротечна, и исполнена самыхъ неожиданныхъ превратностей, случайностей, переменъ и метаморфозъ. Вотъ, напримѣръ, живетъ небольшой составъ лицъ, объединенный солидарными интересами, задачами и цѣлями, старается свои задачи и цѣли возможно лучше понять, разъяснить и осуществить на дѣлѣ. Вдругъ или смерть, нерадостная гостья, вырываетъ того или другого члена изъ этой среды, или извѣстнаго рода обстоятельства уменьшаютъ число лицъ корпорации, вынуждая одного или вѣсколькихъ членовъ оставить ее, благодаря чему нормальная жизнь на время тормозится, является невольный застой въ дѣятельности до тѣхъ поръ, пока корпорация восполнится новыми лицами. Наконецъ жизнь снова вошла въ норму; послѣ невольнаго застоя она еще болѣе начинаетъ оживляться. Вдругъ снова убилъ и такъ далѣе безъ конца... Этотъ законъ непостоянства и переменъ за послѣднее четырехлѣтіе особенно ощутительно тяготѣеть надъ нашей Астраханской семинаріей. За это время изъ ея небольшого кружка преподавателей, состоящаго всего изъ 12 — 13 лицъ, выбыло три члена, умершихъ въ самую цвѣтущую пору своей жизни и дѣятельности. Недостающее число лицъ было пополнено, благодаря чему школьная жизнь вошла въ свою обычную колею: всѣ кафедры заняты, преподаватели съ усердіемъ относятся къ своему дѣлу, ученики своимъ вниманіемъ поддерживаютъ энергію преподавателей... И вотъ — снова эта жизнь, только что начавшая течь своимъ нормальнымъ порядкомъ, нарушается: семинарская корпорация опять лишается одного изъ своихъ членовъ — преподавателя Я. И. Туберцова, рано и преждевременно, судя по человѣчески, злая болѣзнь стравивала покойнаго въ холодную могилу. Я. И. оставилъ здѣшній міръ въ такихъ лѣтахъ, когда для человѣка наступаетъ полный разцвѣтъ жизненныхъ силъ и энергіи. Въ такихъ лѣтахъ служебное поприще человѣка, собственно гонора, только еще начинается. Организмъ въ такіа лѣта вполнѣ развивается, и окрѣвшія тѣлесныя силы бываютъ способны къ упорной работѣ. Духовныя качества и умственный кругозоръ обезпечиваютъ ученому человѣку завидную будущность на поприщѣ педагогик. Грозный часъ немолимой смерти засталъ Я. И. какъ разъ въ то время, когда онъ началъ быть вполнѣ способнымъ приносить обильные плоды чрезъ насажденіе сѣмянъ науки въ умахъ учащагося юношества. Благодарные питомцы всегда будутъ съ любовью вспоминать о безвременно почившемъ.

„Постараемся въ краткихъ словахъ очертить личность покойнаго съ одной стороны, какъ преподавателя въ смыслѣ ученаго, а съ другой, какъ

преподавателя человѣка. Говоря объ Я. И., какъ человѣкъ науки, нельзя причислить его ни къ извѣстнымъ подъ общимъ характернымъ именемъ „само-родковъ“, нельзя было называть его преподавателемъ-философомъ, каковымъ именемъ называются иногда люди извѣстнаго умственного склада: ни то, ни другое не было приложимо къ Я. И.; нѣтъ—это былъ преподаватель, достаточно изучившій далеко не бѣдную литературу своего предмета и потому пріобрѣтшій довольно обильный запасъ свѣдѣній по своему предмету и старившійся добросовѣстно подѣлиться этими свѣдѣніями со своими питомцами. Какъ преподаватель человѣкъ, Я. И. былъ любимъ воспитанниками за свой ровный, спокойный характеръ, за свою снисходительность какъ къ успѣхамъ, такъ и къ дѣтскимъ выходкамъ своихъ питомцевъ. Никто никогда не видѣлъ Я. И. чѣмъ либо оскорбленнымъ или возмущеннымъ, никто ни разу не слышалъ отъ него грубаго слова или строгой нотации. Съ провинившимся Я. И. всегда обходился очень мягко, старался возможно спокойно выставить всю неприглядность извѣстнаго дѣйствія. Таковъ же былъ Я. И. и по отношенію къ успѣхамъ своихъ питомцевъ. Онъ никогда не проявлялъ наружу своей досады при плохомъ отвѣтѣ воспитанника, никогда не выражалъ негодованія на лѣнившагося, но опять-таки мягкими и кроткими словами увѣщанія доводилъ воспитанника до сознанія своей неразумности при подобномъ отношеніи къ дѣлу. Плохіе баллы Я. И. ставилъ съ единственною цѣлію побудить ученика къ ученію. И эта мѣра всегда приносила желаемые результаты. Но отказывалъ Я. И. ученикамъ въ бесѣдахъ по интересующимъ ихъ вопросамъ и помимо урока. Помню: послѣдній урокъ въ VI классѣ покойный не мало посвятилъ бесѣдѣ о томъ, что есть человѣкъ и чѣмъ онъ долженъ быть въ обществѣ. Спокойно и ровно текла его рѣчь. Говорилъ онъ о томъ, что нужно вырабатывать въ себѣ истинныя убѣжденія, которыя одни только составляютъ неоцѣненное и неуязвимое сокровище человѣка; говорилъ о чести, руководиться которой нужно при прохожденіи своихъ обязанностей. „Берегите свою честь, гг.“, говорилъ Я. И. „Дорожите своимъ честнымъ именемъ въ обществѣ. Но сохрани васъ Богъ отъ лжи. Самый умный человѣкъ при даже малой безчестности совершенно теряетъ свою цѣну въ глазахъ общества. Пускай васъ Богъ обдѣлилъ умомъ... Что же изъ этого?... Гораздо лучше быть хотя и недоучкой, но человѣкомъ честнымъ, чѣмъ имѣть громадный умъ, но быть лжецомъ“, заключилъ свою рѣчь покойный.

„Вотъ тѣ черты, которыя обращали на себя вниманіе въ покойномъ Я. И. Память о немъ надолго останется въ сердцахъ его признательныхъ питомцевъ. За свое трудолюбіе и честность покойный вполне достоинъ всякаго уваженія и благодарной памяти. Лучшимъ выраженіемъ этой памяти должна служить теплая молитва о почившемъ. Помолимся и теперь, бл. сл., о бла-

женно почившемъ рабѣ Вожіемъ Іаковѣ, да вселить его Господь Богъ вмѣстѣ съ праведными. Аминь.“

Отпѣваніе Я. И. Туберозова совершали: о. ректоръ семинаріи протоіерей К. В. Ястребовъ, протоіерей И. М. Туберозовъ, протоіерей П. Г. Ильинскій и священники: Ѳ. А. Архангельскій, В. Г. Кортневъ, М. И. Туберозовъ, М. Д. Благодравовъ, Т. П. Березинъ, Вл. Я. Лебединскій, Вас. Я. Лебединскій и В. И. Водоупѣтовъ. Благоговѣнное служеніе сонма духовенства, стройное и умиленное пѣніе семинарскихъ пѣвчихъ, видъ отца и брата Я. И., пораженныхъ скорбію, но участвовавшихъ въ отпѣваніи дорогаго покойника, группа скорбящихъ сестеръ и братьевъ почившаго съ безутѣшною его матерью во главѣ, печальныя лица родныхъ и знакомыхъ, — все это производило глубокое впечатлѣніе на молившихся, которыхъ во времени отпѣванія собралось въ храмѣ изрядное количество. Передъ пѣніемъ кондака „Со святыми упокой“ ученикъ VI-го класса духовной семинаріи Д. Смирновъ произнесъ слѣдующую надгробную рѣчь:

„Дорогой наставникъ!

„Не успѣли мы оправиться отъ тяжелаго впечатлѣнія, которое произвела на насъ смерть уважаемаго нашего наставника, твоего сослуживца, Мих. Плат. Малицкаго, какъ вѣсть о твоей смерти снова поразила наше любящее сердце. Мы всѣ были исполнены такихъ радостныхъ надеждъ на твое скорое выздоровленіе, такъ были увѣрены, что еще увидимся съ тобой и по прежнему будемъ наслаждаться твоими пріятными бесѣдами на урокахъ церковной исторіи, — что вѣсть о твоей смерти поразила насъ какъ громомъ. Никто не думалъ, чтобы исходъ болѣзни былъ именно таковъ. Всѣ были убѣждены въ противномъ, потому что предъ отъѣздомъ изъ семинаріи на каникулярное время всѣ были обрадованы извѣщеніемъ докторовъ, что кризисъ болѣзни миновалъ, можно надѣяться на выздоровленіе, и что нашему дорогому наставнику Як. Илар. представляется даже возможность поѣхать въ Ялту съ тѣмъ, чтобы окончательно поправить свое расшатанное педагогическою дѣятельностью здоровье. Но радость наша была не долговременна: всѣ свѣтлыя ожиданія наши порвались, какъ струна, и каждый изъ учениковъ Як. Илар. услышавъ о его смерти, издалъ тяжелый жалобный вздохъ съ чисто-сердечнымъ, искреннимъ душевнымъ пожеланіемъ: „Царство ему небесное!“

„Конечно, другого исхода въ данный моментъ нельзя придумать, какъ примиреніе съ фактомъ смерти. Рокъ смерти неуловимъ: онъ преслѣдуетъ и стараго, и малаго, богатаго и убогаго. Такъ скажетъ всякій посторонній человѣкъ; такъ скажемъ и мы, когда теченіемъ времени будутъ излѣчены душевныя наши рапы. Но не такъ говоритъ каждый изъ присныхъ Якова Илар., не такъ говоримъ и мы, когда стоимъ предъ бездыханнымъ трупомъ нашего дорогаго наставника и когда чрезъ нѣсколько времени отъ

этого трупа останутся лишь жалкіе брешные останки. Мы невольнo какъ-бы роцномъ (да простигь намъ Всемилосердый Господь этотъ грѣхъ!) на то, зачѣмъ Господь беретъ у насъ такихъ хорошихъ людей, предаемъ унынію и, въ минуты особенной душевной тяжести, припоминая эту утрату, съ печалію говоримъ: „Не дожидаться намъ такихъ хорошихъ людей!“.

„Невольнo потянутся вереницей воспоминанія... Навсегда останутся памятны намъ и никогда не утратятъ своей цѣнности тѣ наставленія, какія ты, нашъ дорогой наставникъ, давалъ намъ относительно того, какія требованія предъявляются великому, вступающему на широкій терпистый путь жизни. Девизомъ всей твоей жизни было: быть честнымъ сыномъ своего отечества. То же самое внушалъ ты и намъ, и эти наставленія, какъ плодъ жизненнаго опыта, имѣли особенное значеніе въ нашихъ глазахъ. Мы, стоящіе на жизненномъ распутьѣ, особенно нуждаемся въ такихъ наставленіяхъ. Молодость — самое бурное и опасное время жизни. Неопредѣленные стремленія и желанія волнуютъ неустановившуюся душу каждаго юноши. Безъ опытнаго руководителя они могутъ сбить каждаго и склонить его на путь неправды. Зная все это по личному опыту, ты, преслѣдуя чисто педагогическія цѣли, удерживалъ насъ въ должныхъ рамкахъ. На ряду съ этимъ ты давалъ наставленія и о томъ, какъ нужно быть хорошимъ наставремъ. Замѣчая дурныя стороны нѣкоторыхъ настырей словесныхъ стадь, отмѣчая ихъ въ своихъ неофициальныхъ бесѣдахъ, ты съ не одобреніемъ относился къ этимъ сторонамъ и старался начертать намъ идеаль истиннаго настыря. Но что особенно было дорого въ твоихъ бесѣдахъ, дорогой наставникъ, такъ это твоя задушевность и простота, которыя всегда проглядывали въ нихъ. Когда бы во виѣ-классное время ученикъ ни обратился къ тебѣ, ты всегда готовъ былъ бесѣдовать. Бесѣдовалъ ты съ нами не какъ учитель съ учениками, но какъ старшій любящій братъ съ младшими братьями. Такія прекрасныя черты твоего характера невольнo располагали насъ къ тебѣ (я говорю не о себѣ только и о своихъ товарищахъ, но и о всѣхъ питомцахъ).— Въ преподаваніи церковной исторіи ты оживлялъ историческіе факты примѣрами современной дѣйствительности въ тѣхъ отдѣлахъ исторіи, содержаніе которыхъ имѣло отношеніе къ настоящему положенію дѣль. Результатомъ такого преподаванія было то, что курсъ церковной исторіи былъ для насъ не слишкомъ труденъ.

„Глубока наша скорбь о тебѣ, равно глубока она и у всѣхъ твоихъ бывшихъ питомцевъ! Но многимъ мѣстамъ Астраханской епархіи разсѣяны они, и когда разнесется печальная вѣсть, что не стало у насъ тебя, нашего дорогого наставника, съ сердечною болью вздохнуть вмѣстѣ съ нами и они и сочтутъ своимъ долгомъ отслужить по тебѣ заупокойную литургію и панихиду, и запоютъ они: „Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего (Лаврова), идѣже прѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная“. Аминь“.

Вслѣдъ за этою рѣчью пропѣтъ былъ сонмомъ духовенства умильтельный копкакъ „Со святимы упокой“. Отпѣваніе приближалось къ концу. По прочтеніи евангелія учепикомъ V класса духовной семинаріи А. Ворояцовъ мь произнесена была слѣдующая надгробная рѣчь:

„Незабвенный, дорогой наставникъ!

„Вотъ, и надъ тобой сбилось непреложное, грозное слово суда Божія: „Земля еси и въ землю отидеши“ (Быт. III, 19). И для тебя настала неизбежный для всѣхъ людей часть—явиться предъ Велиценріативнымъ Судією—Богомъ и отдать Ему отчетъ во всей своей жизни. Предъ нами гробъ, въ которомъ скрыта только брѣвная, бездыханная оболочка твоей свѣтлой, дорогой для насъ души; не услышимъ мы болѣе твоего ласковаго голоса, которымъ ты еще недавно такъ привѣливо отзывался на наши рѣчи; не увидимъ болѣе твоего яснаго взора, которымъ ты, бывало, съ такою любовію и добродушіемъ смотрѣлъ на насъ, учениковъ твоихъ. Хотѣлось-бы оказать тебѣ послѣдній знакъ христіанской любви—воздать послѣднее цѣлованіе твоему бездыханному тѣлу; но и этого не судилъ намъ Господь. Позволь-же хотя слабымъ словомъ воздать тебѣ послѣднюю дань уваженія и хотя въ немногихъ словахъ вспомнить то, чѣмъ ты былъ для насъ дорогъ, и чего лишила насъ твоя смерть, такъ рано и такъ безжалостно похитившая тебя.

„Воспитанный въ своей родной семьѣ, подъ вліяніемъ разумной родственной любви и ласки, ты глубоко понималъ наши юныя, еще не окрѣпшія души. Ты всегда съ любовію отзывался на наши вопросы, даже и на тѣ, которые не касались преподаваемой тобою науки; къ нашимъ недоумѣніямъ, которыя мы откровенно высказывали тебѣ, ты относился съ полнымъ вниманіемъ и старался разрѣшить ихъ для нашихъ еще колеблющихся умовъ. Въ то же время ты съ любовію оставивалъ и остерегалъ насъ, если въ своихъ вопросахъ мы выходили изъ должныхъ границъ; одного ласковаго слова: „довольно, будетъ“,—съ которымъ ты обращался къ намъ въ такихъ случаяхъ,—было достаточно для того, чтобы вернуть насъ къ сознанію своихъ обязанностей. Правда, иногда мы были виноваты предъ тобой въ томъ, что, по своей несдержанности, злоупотребляли твоимъ добродушнымъ обращеніемъ съ нами и допускали лишнія, иногда смѣлыя слова и поступки по отношенію къ тебѣ. Конечно, эти неумѣстныя наши выходки иногда причивали тебѣ и огорченія; но ты, имѣя полную возможность отплатить и отомстить намъ, никогда не дѣлалъ этого.

„Но довольно говорить.... Еще многое можно было-бы сказать; но усопшему не нужны похвальныя рѣчи живыхъ: онъ самъ, или устами его Святая Церковь призываетъ насъ теперь только плакать и молиться о немъ: „Восплачьте о мнѣ, братіе и друзи, сродницы и знаомія... Прому всѣхъ и молю, непрестанно о мнѣ молитесь Христу Богу“. А живыхъ, скорбящихъ

объ утратѣ, не утѣшить слово человѣческое; всякое новое напоминаніе о дорогомъ человѣкѣ только еще болѣе растравитъ тяжелую сердечную рану. Прибѣгнемъ же за утѣшеніемъ къ Тому, Кто Самъ взывалъ: „Прійдите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы“ (Матѣ. XI, 28). Помолимся о „плачущихъ и болѣзнующихъ, чающихъ Христова утѣшенія“; помолимся о новопреставленномъ рабѣ Божіемъ Іаковѣ, „о еже неосужденно предстати ему страшному престолу Господи славы“ и услышать отъ небеснаго Царя и Владыки радостное слово: „Добрѣ, рабе благій и вѣрній, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими ти поставлю: вниди въ радость Господа твоего“ (Матѣ. XXV, 21). А ты, дорогой наставникъ, отходи въ вѣчное жилище, по добротѣ своей прости намъ тѣ огорченія, какія, по юношескому легкомыслію, мы иногда причивали тебѣ“.

По окончаніи отпѣванія гробъ съ останками Я. И. Туберозова былъ поднятъ почитателями усопшаго и въ преддесенія св. иконы, въ предшествіи воспитанниковъ семинаріи, духовенства съ о. ректоромъ семинаріи во главѣ, въ сопровожденіи народа, при стройномъ пѣніи „трисвятаго“, былъ вынесенъ изъ храма на восточную часть церковнаго двора, гдѣ предъ квартирою протоіеря И. М. Туберозова была совершена краткая литія. Отсюда печальная процессія чрезъ Сапожниковскій мостъ направилась къ зданію духовной семинаріи, гдѣ предъ параднымъ входомъ была отслужена краткая литія, а затѣмъ — къ зданію Маріинской женской гимназіи, гдѣ также совершенно было краткое молитвословіе. Послѣ сего гробъ поставили на катафалкъ, а на немъ, равно какъ и на сямомъ гробѣ, красиво размѣстили десять, возложенныхъ раньше, вѣнковъ съ приличными надписями (пять металлическихъ — отъ сестеръ усопшаго, сослуживцевъ по духовной семинаріи, сослуживцевъ по женской гимназіи, ученицъ женской гимназіи и Коммиссіи народныхъ чтеній, и пять изъ живыхъ цвѣтовъ — отъ родителей усопшаго, его братьевъ, учениковъ духовной семинаріи и двухъ частныхъ лицъ), и повезли чрезъ Красный мостъ на Аeonское кладбище, куда направилась и большая часть лицъ, молившихся въ храмѣ о упокоеніи усопшаго. Здѣсь у могилы, приготовленной предъ алтаремъ церкви св. Аонасія Аeonскаго, еще разъ совершена была краткая литія, еще разъ провозглашена была и пропѣта *вѣчная память*, и гробъ, вмѣщающій въ себѣ останки Я. И. Туберозова, опущенъ былъ въ могильный склепъ, который скоро сокрылъ его отъ взоровъ навсегда.

Миръ праху твоему, дорогой товарищъ-сослуживецъ, ревностный трудолюбецъ и благовліятельный наставникъ юношества! Везъ сомнѣній, вспомнютъ тебя добромъ и помолятся о тебѣ и тѣ изъ бывшихъ твоихъ многочисленныхъ учениковъ, до которыхъ дойдетъ вѣсть о твоей кончинѣ; а тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ счастье предстать Престолу Божію, не забудутъ, конечно, при совершеніи безкровной жертвы, помянутъ новопреставившагося бывшего своего наставника съ теплою молитвою ко Господу, да проститъ

Онъ, Премилосердый, усопшему рабу Своему Иакову вся прегрѣшенія его
вольная и невольная и да вселить его, идѣже вси святїи упоковаются.

Сослуживецъ.

На смерть Я. И. Туберозова *).

Сни спокойно, нашъ другъ и учитель,
Отдыхай отъ тревогъ и заботъ,
Тихо Ангелъ — незримый хранитель —
Твою душу на небо возьметъ.

* *

Ты сложилъ свои честныя руки
На усталой, разбитой груди...
Ни волненья, ни скорби, ни муки
Тебя больше не ждутъ впереди...

* *

Тебя встрѣтитъ на побѣ награда
За высокій и чистый твой трудъ,
И желанный покой и отрада
Тебя, труженикъ честный, тамъ ждутъ.

* *

Ты для общаго блага трудился,
Ни здоровья, ни силъ не щади, —
Насъ къ добру ты направить стремился,
На путь знанья и свѣта веди.

* *

Пролетитъ безощадное время
И истлѣветъ въ могилѣ твой прахъ, —
Не заглохнетъ лишь доброе сѣмя,
Что посѣялъ ты въ юныхъ сердцахъ!...

* *

Собрались мы печальной толпою,
Чтобъ тебѣ долгъ послѣдній отдать
И „прости“ съ непритворной слезою
И съ тоскою на сердцѣ сказать!...

Елисавета Колосова,

ученица Астраханской Марїинской женской гимназїи.

*) Изъ «Астрах. Справ. Листка» 1894 г. № 180.